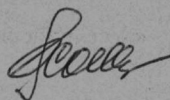

На правах рукописи

Хомулло Галина Викторовна

**ЛИРИКА А.Н. МАЙКОВА:
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
АСПЕКТЫ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИХ
ВОЗЗРЕНИЙ ПОЭТА**

10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Владивосток – 2009

Работа выполнена на кафедре истории литературы и
мировой культуры ГОУ ВПО
«Уссурийский государственный педагогический институт»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Гавриленко Татьяна Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Савченко Татьяна Константиновна
Государственный институт русского
языка имени А.С. Пушкина

доктор филологических наук, профессор
Романова Галина Романовна
Амурский гуманитарно-педагогический
государственный университет

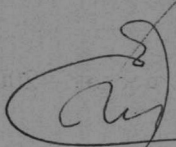
Ведущая организация: Морской государственный университет
имени адмирала Г.И. Невельского

Защита состоится 18 ноября 2009 г. в 12.30 на заседании диссертационного совета ДМ 212. 056.04 в Дальневосточном государственном университете по адресу: 690060, г. Владивосток, ул. Алеутская, д. 56, ауд. 422.

С диссертацией можно ознакомиться в Институте научной информации – фундаментальной научной библиотеке Дальневосточного государственного университета по адресу: г. Владивосток, ул. Алеутская, 65-б.

Автореферат разослан 15 октября 2009 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е.А. Первушина

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000530255

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена изучению литературно-художественных аспектов православно-христианских воззрений А.Н. Майкова (1821 – 1897), нашедших отражение в лирике поэта.

Актуальность исследования обусловлена сформированным за последние два десятилетия литературоведческим интересом, проявленным к проблеме «литература и религия». Осмысление православного характера классической литературы – одно из направлений современного научного поиска. Благодаря усилиям литературоведов значительно расширен круг авторов, творчество которых ориентировано на православно-христианские ценности. В ракурсе данной проблемы стали изучаться практически все поэты из литературного окружения Майкова – Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.К. Толстой. Применение указанного подхода бывает необходимым в особенности тогда, когда писатель – верующий человек, убежденный в существовании мира, находящегося за пределами земного, что вольно или невольно перетекает в художественное творчество, своеобразно «инкрустируясь» в нем. Поскольку вопрос о связи искусства с религиозной верой был одним из важных в полемике между общественно-литературными лагерями середины XIX века, в современной литературной науке он также востребован и рассматривается на уровне типологий. И здесь роль Майкова как теоретика и художника слова должна быть прояснена, поскольку его творчество складывалось под воздействием глубоких и прочных религиозных убеждений.

В дореволюционной критике Майков уже начинал рассматриваться как православно-христианский художник слова. Обращает на себя внимание появившаяся на рубеже XIX и XX веков работа А. Круковского, где утверждается, что в области продолжения традиций создания поэзии, обладающей связью с религиозной верой, литературная деятельность Майкова представляет собой важный исторический эпизод [Круковский А.В. Религиозные мотивы в произведениях русских поэтов, 1900, с. 27]. В отдельную позицию складываются мнения о неопределенности религиозных чувств Майкова, отразившихся в его литературных произведениях. Это обозначено в итоговом суждении Д. Мережковского: «... Он и в христианстве остается бессознательным язычником» [Мережковский Д.С. Блестящая и прекрасная сторона античной жизни в освещении А.Н. Майкова // Покровский В.И. А.Н. Майков, его жизнь и сочинения, 1904, с. 63]. Неоднозначность в оценках христианской религиозности, получившей у Майкова литературно-художественную интерпретацию, еще более отчетливо отразилась на

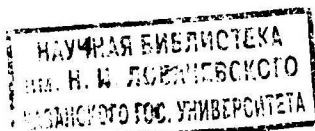
понимании лирической драмы «Два мира», за которую поэту была присуждена Пушкинская премия в 1882 году (это было первое литературное произведение, удостоенное Пушкинской премии).

И все же восприятие литературного наследия Майкова как православно ориентированного художника слова в дореволюционных публикациях выглядит более устойчивой. Эти представления легли в основу тогдашнего университетского преподавания, о чем, приводя слова профессора Е.В. Барсова, упоминает последний дореволюционный биограф поэта П. Быков. Он же, подводя итог продолжавшемуся почти 7 десятилетий изучению Майкова, пишет о религиозном начале в творчестве поэта как об одной из проблем, поставив ее на второе место в перечислении определившейся проблематики [Быков П.В. А.Н. Майков (кригико-биографический очерк) // Майков А.Н. Полн. собр. соч., т. 1, 1914, с. XX, XLV]. В послеоктябрьском литературоведении сформулированный вопрос не исследовался в силу определенных причин – несмотря на то, что о Майкове никогда не забывали. Однако на фоне гораздо более подробно изученных поэтов из его окружения Тютчева, Фета и А.К. Толстого, которые были в последние годы заявлены и как православные художники слова, литературное наследие Майкова и, в частности, его лирика, пока не представлены. Целостная картина, выявляющая индивидуальные черты Майкова как автора лирических стихотворений, в которых художественно реализован основанный на православно-христианских убеждениях духовный опыт, пока не сформировалась.

Целью диссертационного исследования является формирование научных представлений о характере и содержании сопряженности искусства с религиозной верой в творческом сознании Майкова, воплощенном в лирике. Акцент делается на литературно-художественных аспектах данной феноменологии, поскольку Майков понимается нами прежде всего как литературный деятель, обратившийся в своем творчестве к отображению религиозной проблематики.

Предметом исследования является лирика А.Н. Майкова 1837 – 1895 годов: отдельные стихотворения и лирические циклы, относящиеся к разным периодам творчества.

Объектом – закономерности, организующие ту часть лирики Майкова, в которой ощутимо присутствие разнообразных контактов с православно-христианским вероучением: на уровне тем, идей, образов, жанровой типологии, поэтической стилистики, эмоциональной картины в целом, согласия с религиозной догматикой или отступлениями от нее, т.е. всем комплексом художественных решений и отношения к проблеме, характерной для Майкова-лирика.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

1. Составить представление об отношении Майкова к религиозной вере, собрав воедино опубликованный разрозненно материал и осмыслив его значение для формирования литературных интересов Майкова.

2. Рассмотреть понимание Майковым проблемы «искусство и религия» с позиций отношения к вопросу самого поэта и его литературного окружения.

3. Проанализировать программные стихотворения Майкова о творческом труде, в которых отражается позиция верующего человека, дающего объяснение образу поэта и природе вдохновения.

4. Выявить индивидуальные черты художественного воплощения православных идей в лирике Майкова.

5. Охарактеризовать лирические циклы Майкова как синтез его православно-христианских убеждений, также представших в литературно-художественном воплощении.

Теоретической базой диссертации стали труды отечественных ученых, посвященные проблемам системного анализа художественного текста: М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, Л.Я. Гинзбург, Ю.М. Лотмана, Б.М. Эйхенбаума, Л.Е. Ляпиной и др. В работе учтен теоретический подход к рассмотрению художественных произведений с религиозными истоками и понимание вопросов христианской гносеологии и эстетики, отраженных в работах С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, А.Ф. Loseва, Н.О. Лосского, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, Г.В. Флоровского; В.А. Котельникова, И.А. Есаулова, М.М. Дунаева, Т.К. Батуровой, А.В. Моторина, В.П. Зверева, Ф.З. Кануновой.

Источниковедческая база исследования – литературные произведения Майкова, его критические статьи и материалы из его архива (Пушкинский Дом), статьи литературных современников Майкова, адресованные проблемам литературы и эстетики (Белинского, Гончарова, Боткина, Дружинина, Ап. Григорьева, И. Киреевского, Хомякова, Шевырева, Ф. Достоевского, Б. Алмазова и др.), работы современных Майкову религиозных философов А.М. Бухарева и П.Д. Юркевича, а также широкий круг источников святоотеческой литературы.

Методологическая основа работы предопределена предметом, целями и задачами исследования. Направленность литературоведческого анализа на целостное восприятие обусловила использование структурно-типологического, системно-типологического, историко-функционального и ритуально-мифологического методов.

Научная новизна работы заключается в новом подходе к рассмотрению лирики Майкова как православно-христианского художника слова. Нас интересуют наиболее важные аспекты сопряженности между собственно литературными способами художественного мышления, основанного на образном воплощении замысла, и «экстралитературным» текстом, коим является религиозное вероучение. Кроме того, для понимания роли Майкова в развитии духовной традиции русской литературы впервые выясняется его позиция в споре о предназначении искусства, о соотношении между свободой творчества, религиозной дидактикой и религиозной догматикой, широко обсуждавшемся в литературных кругах середины XIX века. Мы расширяем круг религиозно ориентированных стихотворных текстов Майкова, привлекая для их рассмотрения материал из архива поэта.

Научно-практическая ценность исследования заключается в возможности применения его результатов при изучении литературного процесса второй половины XIX века, лирики этого периода, проблемы «русская литература и христианство». Материалы диссертации могут использоваться при проведении обобщающих исследований о поэзии второй половины XIX века, при чтении специальных и общих курсов по истории русской литературы XIX века, при составлении учебных пособий для студентов-филологов, а также учителей-словесников.

Положения, выносимые на защиту:

1. Майков считал христианство важнейшим общекультурным фактором мирового значения, сыгравшем исключительную роль в развитии искусства – именно благодаря своему духовно-нравственному содержанию и духовно-нравственному пониманию всех областей жизни и характера взаимоотношений между людьми. Как одаренный живописец и художник слова, он воспринимал материал священных книг с эстетической стороны, видя в них безупречную мудрость вечных истин и побуждающий к творчеству неиссякаемый источник вдохновения.

2. В литературном споре середины XIX века о предназначении творческого труда Майков, будучи последовательным приверженцем программы «чистого искусства», придерживался пушкинской традиции, соединив в своем сознании идею творческой свободы и неподвластное художнику осуществление Божьей воли, реализуемое в акте творчества. Красота в сознании Майкова выступала в качестве евангельского образа духовности, будучи основанной на идеалах добра и человеколюбия.

3. Поэт симпатизировал литературному движению, актуализировавшему значение религиозных убеждений в художественном твор-

честве. Но был далек от того, чтобы подчинять основанное на православно-христианской вере художественное мировидение догматике, превращать литературное слово в орудие религиозной пропаганды. Художественные решения Майкова-поэта рождались на основе свободного контакта с православной верой, к какой из областей жизни он бы ни обращался: широко освещая проблему творчества и создавая образ своего поэта-романтика, передавая чувства верующего, размышляя над эпизодами русской истории, откликаясь на трагедию современной ему войны или устремляясь к высотам духовных прозрений.

Апробация. По теме диссертации опубликовано 9 работ, в том числе 1 статья – в издании, входящем в перечень ВАК. Материалы диссертации обсуждались на кафедре истории литературы и мировой культуры УГПИ и были представлены в научных докладах, прочитанных на 10 научных конференциях международного, всероссийского и регионального уровней, организованных в Уссурийском государственном педагогическом институте, Тихоокеанском государственном экономическом университете и Дальневосточном государственном университете (г. Владивосток).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** аргументируется выбор темы, определяется ее актуальность и научная новизна, названы объект, предмет, цели и задачи исследования, объяснена структура работы, представлены методологическая основа и методы исследования, сообщается об апробации работы и ее научно-практической значимости. Здесь же комментируются основные публикации о Майкове, обусловленные проблематикой диссертации.

Первая глава, посвященная проблеме «Соприженность феноменов искусства и религиозной веры в творческом сознании А.Н. Майкова», состоит из четырех параграфов.

В 1-м параграфе 1-й главы «Личность А.Н. Майкова-художника как человека православно-христианских убеждений» рассмотрены факты, доказывающие серьезное отношение поэта к религиозной вере и его последовательную приверженность православно-христианским основам миропонимания. Они важны как обстоятельства, сформировавшие Майкова, поэта и художника. В дореволюционных работах содержатся ценные сведения, позволяющие получить представления о серьезном отношении поэта к религиозной вере и о его последователь-

ной приверженности православно-христианским основам миропонимания, но они введены разрозненно и не складываются в целостную картину. Часть из них, касающихся представителей рода Майковых, связавших судьбу с религией, зафиксированы поэтом в его до настоящего времени не опубликованной автобиографии и учтены первыми биографами, обращавшимися к данному архивному источнику [ИРЛИ, № 17.304]. Предки поэта – известные священники, к которым он проявил живой интерес и глубокое уважение (Андрей Майк, дьяк великих князей Василия Васильевича и Иоанна Васильевича и преподобный Нил Сорский, основатель скитского жития в России). Особенно важна атмосфера высококультурной религиозной семьи, в которой воспитывался поэт, влияние родителей, матери, Евгении Петровны, детской писательницы, и отца, Николая Аполлоновича, академика живописи, создававшего картины на религиозные сюжеты.

Комментируя по-разному представленный в источниках интерес Майкова к Библии, мы приходим к выводу о том, что поэт видит в Библии энциклопедию художественных идей, обращаясь к ее восприятию с позиций человека, для которого важны не только основы религиозной духовности, но и опыт, в котором уже отразились присущие эстетическому сознанию особенности. В разделе собраны и рассмотрены также другие сведения, о которых писали дореволюционные авторы (об интересе Майкова к истории русской Православной церкви, оформившийся впоследствии в литературном замысле, осмотр культовых зданий во время путешествия в Новгород, участие в религиозной благотворительности). Приведены также высказывания поэта из его писем, свидетельствующие о религиозных взглядах (М. Златковскому, Ф. Достоевскому, А. Писемскому). Комментируются публикации о Майкове, появившиеся в «советский» и «постсоветский» периоды, в которых так или иначе затронут вопрос о религиозных взглядах поэта (Ф.Я. Приймы, О.В. Седельниковой, В.С. Баевского).

В итоге мы отмечаем, что Майков воспринимал религиозную веру в качестве благотворной направляющей силы, организующей человеческую жизнь и регулирующей взаимоотношения человека с окружающим миром. В этом особую роль сыграли как предки поэта – священнослужители, к которым он проявлял уважение и живой интерес, так и атмосфера в родительском доме – высоком образце гармонического единства православных традиций в быту и отношения к религии как части национальной и мировой культуры.

Между тем, общественно-литературная обстановка 2-й половины XIX века и накопленный предшествующей традицией опыт отображения религиозности в художественном творчестве подвели к не-

обходимости осмысления вопроса о характере, особенностях и путях взаимодействия литературы и религии, двух важнейших областей духовной жизни, использующих слово. Майков-поэт также формировался в русле данного интереса.

2-й параграф 1-й главы «Творческая позиция А.Н. Майкова в понимании проблемы «искусство и религия» адресован выяснению вопроса о взаимосвязи литературного творчества и религиозной веры, важного для художественного мировоззрения Майкова.

Будучи европейски образованным человеком, Майков был хорошо осведомлен о том, как понимались контакты искусства и религии на разных этапах существования мировой культуры (от Аврелия Августина через мыслителей Средневековья, эпоху Возрождения, просветителей и романтическую традицию). Проблема находилась в центре внимания современной Майкову литературной общестственности. Ее осмыслению помогают появившиеся в последние годы фундаментальные работы Т.А. Гавриленко о «чистом искусстве» и В.Г. Мехтиева о журнале «Маяк». Кроме названных литературных центров, вопрос интересов группировавшихся вокруг «Москвитянина» близких Майкову славянофилов, был отражен в работах религиозных философов той поры П.Д. Юркевича и А.М. Бухарева. Современники Майкова знали гоголевский ответ на этот вопрос, помещенный в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Специально комментируя взаимоотношения между поэзией и религией, близкий «чистому искусству» Б. Алмазов сознательно заостряет существующую между ними разницу: «Есть сфера, от которой поэзия отстоит, как земля от неба – это религия» [Утро, 1859, с. 190 – 191]. Поясняя свое суждение, критик оттеняет наиболее важное в различиях между религиозным проповедником и художником слова, для которого религия важна с позиций такой же области для впечатлений, как наука или политика: «... поэт, служащий чистому искусству, не может быть теологом, хотя может быть глубоко и горячо верующим человеком и превосходно знать все догматы своей веры» [там же, с. 191]. Черпая из этого источника, важно не потерять самостоятельности, необходимой в качестве важного условия творческой самореализации. Такова в общих чертах логика раздумий, противопоставляющих искусство и религию, в соприкосновении с которыми формировались убеждения Майкова.

О том, что поэт следовал именно ей, дистанцируясь от догматики, не подчиняясь ей, но при этом свободно вдохновляясь религиозной верой как художник и верующий человек, свидетельствует отношение Майкова к Пушкину. Преклоняясь перед талантом Пушкина,

Майков ценил представление о творческой свободе, выработанное поэтом. Одновременно литературное творчество воспринималось Майковым как дар Неба, не сковывающий творческую волю, что также было присуще Пушкину: «Повторяю Вам и *вопию* (выделено Майковым): нам беда сойти с той точки зрения, на которую поставил поэта Пушкин. Пусть вокруг нас кипят и враждуют страсти; наш мир – художество, но художество, служащее нравственным началам, художество, ведущее свое происхождение ... прямо от библейских пророков. <...> Царство толпы меняется, подчиненное моде и времени, а наше – вечное» [цит. по: Абрамович Д.И. Памяти Майкова, 1900, с. 9]. Майков воспринимает программную суть пушкинской позиции как синтез вполне осознаваемого Божественного Провидения, реализованного в акте творчества, и самой творческой воли, проявленной столь идеально и свободно на уровне контакта с вечными истинами.

Для выяснения вопроса мы привлекаем представляющую большой интерес незавершенную и неопубликованную статью Майкова «К истории религиозных направлений и о влиянии их на искусство» [ИРЛИ, ф. 168, № 16599]. Для Майкова важно обратить внимание на суть христианского учения, призванного формировать духовные основы личности. Подчеркивая значение христианства для художественного творчества, Майков замечает: «Искусство никогда не получало от религии такой богатой пищи, таких разнообразных задач» [л. 17, об.]. Главная направленность статьи – понимание прогрессивной роли христианства в развитии искусства. Мы обратились также к статье И.А. Гончарова «Христос в пустыне». Картина г. Крамского», написанной сразу же после посещения 3-й выставки передвижников в 1874 году. Гончаров поднимает актуальный для своего времени вопрос о статусе исторического синтеза искусства и религии. Полемика Гончарова адресована воинствующим ортодоксам официозного толка. Близкий Майкову писатель отстаивает художественную правду в картинах на религиозные темы.

Мы приходим к выводу о том, что творческая позиция Майкова формировалась в особых условиях литературной и культурной жизни России середины XIX столетия. Контакты художника с религиозной верой, благотворно влияющие на творческий процесс, признавались актуальными как отдельными авторами (Гоголь, Гончаров, Достоевский), так и литературными группировками (журналы «Маяк», «Москвитянин», «чистое искусство»). Отношение к проблеме у Майкова направлялось идеей творческой свободы, которая не нарушала связей художника с Божественной волей, а также пониманием красоты, трактуемой и как Божественное откровение, и как эталон евангельской

духовности, основанный на добре и человеколюбии. Но, ориентированный на православно-христианские ценности, Майков далек от мысли сделать искусство средством религиозной пропаганды.

3-й параграф 1-й главы «Поэт А.Н. Майкова в контексте христианских ценностей» посвящен рассмотрению образа поэта в лирике Майкова.

Поэтические тексты, рисующие майковского поэта, рождены художником слова, обладающего православно-христианским мировосприятием. В антологических стихотворениях Майков изображает *поэта-романтика, воспевającego античность*, видя ее колыбелью мировой культуры, в которой находятся истоки всех видов искусства, и вполне осознавая значение для формирующегося сознания современного человека артистической профессии. Поэт предстает в образе *живописца*, создающего средствами слова зримо ощущаемые явления жизни. Обилие лексем, передающих способность человека к зрительному восприятию, акцентирует протекание своеобразного творческого процесса: «Я *вижу* некий *блеск* чудесно разлианный»; «*Вгляди́сь*, как движутся уста, и грудь, и руки...», «*Глаза* движения полны»; «*Рисуй* его, *рисуй*, мой *стих* благоуханный!». Апогеем такого рода мастерства, синтезирующего в лирике слова-эмоции и слова – зримые сигналы, формирующие эмоции, можно считать «Ах, чудное небо, ей-Богу, над этим классическим Римом!...». Здесь заявлено о превосходстве «зримого слова» перед «говорящим рисунком» – поэта Майкова, вдохновленного живописным сюжетом, перед «художником-германцем», отстающим в мастерстве.

Вместе с тем, Майков проявляет интерес к современной ему литературной полемике, выдавая в образе поэта *теоретика искусства, эстетику или философа*. Откликаясь прежде всего на идею творческой свободы, Майков не только страстно ее отстаивает, сравнивая с вольными явлениями природы. Его поэт убежден в том, что творческая зрелость художника заключается не в увлечении сиюминутным и переходящим диктатом века, а в постижении вечных истин и смыслов, уловить которые надлежит человеку, серьезно относящемуся к делу творческого труда.

Майков стремится подчеркнуть в личности поэта начала *родителя, воспитателя*. Обеспокоенность судьбой своих произведений сродни родительским чувствам («Свершай служенье муз в священной тишине...», «Есть мысли тайные в душевной глубине...», «Воплощенная, святая...»). В оформлении мотива обнаруживается параллель с сюжетом Священного Писания: Бог отдал своего Единородного Сына людям – поэт отдает людям свои стихи. Поэт предстает и в образе

Божьего избранника. Майков пишет о том, что принадлежность не наделенных творческим даром людей – видимое, земное. Избранническая миссия – область тайного, невидимого, скрытого от глаз, а источник поэтического вдохновения – воля высшей силы. Образ поэта-творца обусловлен ее присутствием и осуществляет свое высокое служение в соответствии с назначенной ему ролью. Майков утверждает, что творчество – это откровение, пришедшее с «надзвездной высоты», будучи уверенным в его божественной природе. Образ поэта-пророка также привлекает Майкова. Божественная суть образной ипостаси формируется с помощью аллюзий, восходящих к Священному Писанию. Главное предназначение поэзии – хвала Создателю («Лунная ночь»). Восхищение Творцом всего сущего сообщает голосу поэта силу и стройность, направляемые мыслью о красоте созданного Богом мира.

В соответствии с христианским вероучением, Майков понимает искусство как возвышенное и благородное деяние, вызванное к жизни и вдохновленное Божественной волей. Формируя программный образ поэта на разных этапах творческого пути, автор сообщает эмоциям своего героя тот характер, каким они обладают, когда берут свое начало из религиозных источников – широко известные в Священном Писании и Святоотеческой литературе: *одиночества и отшельничества; умолчания и таинственности; внутреннего преображения; жертвенности и страдания; искушения земным; воскрешения.* Полемически заостряя стихи о творчестве, Майков более, чем кто-либо из его собратьев по перу и единомышленников по литературному лагерю, акцентирует внимание на Божественном происхождении поэзии, соответственно объясняя процесс творческого труда, его содержание и предназначение. Адресаты-оппоненты именуются Майковым по-разному: *«умные критики»* («О, трепещущая птичка...»), *«дети бедные земли», «люди плоти и страстей»* («К. Р.»), *«шумящий мир»* («Куда б ни шел шумящий мир...»), *«чернь»* («Певцу»), *«они»* («Чужой для всех...»); *«толпа самодовольная»* («В. и А.»), *«толпа холодная»* («Моему издателю»), *«толпа тесная»* («Ответ К.А. Дворжицкому»). Искусство мыслится как свободная область духа, высшая ступень познания и преодоления всего, что есть в человеке низменного и суетного. Искусство бессмертно лишь в своей устремленности к Небесному, в тесной сопряженности с ним. Такая поэзия наделена преобразующей силой, просветленно-гуманизирующей тональностью. Будучи внутренне благотворной по своему характеру, уже созидательно обустроив натуру творца и основанная на вере, она привносит в мир те же гармонию и свет, какими наделил ее художник в процессе создания. Раздумья май-

ковского поэта адресованы широкому спектру вопросов, дискутируемых в поэзии и критике его времени (античная культура как школа мастерства, возможности живописного и скульптурного слова, мечта и воображение, роль творческого вымысла, потребность в идеале и его содержание, совершенство формы, преходящее и вечное, независимость творческой воли и др.). Отсюда можно вести речь об индивидуальной модели творческого мышления – программе действий художника, где сопряженность с религиозной верой, которая инициирует процесс и направляет его, выступает в союзе с основными законами, присущими собственно сфере искусства.

В 4-м параграфе 1-й главы «Архетипические образы "земли" и "неба" в стихотворениях А.Н. Майкова о творческом труде» рассматривается одна из ведущих образных антиномий, содержательные конкретизирующие позицию майковского поэта.

Следуя мысли о том, что небо и земля в своей онтологически неизменяемой сущности есть основа мироздания, представляющая начало всякого тварного бытия (это совокупность всего творения, видимого и невидимого, познаваемого и непознаваемого, совокупность, называемая на языке Библии творением, а на языке современной науки – бытием), мы проводим ассоциативную параллель с символами, обозначающими два архетипа одного и того же сотворенного Богом мира – план высший и план низший. Неоднократно фиксируя внимание на пространственно противоположных сферах, образующих мироздание, Майков видит в этих различных областях бытия и определенное единство («В юдоли плача и порока...» (1857)). Оно заключается в том, что небесно-возвышенное пространство, безграничное и беспредельное в своем величии, – созерцается и воспринимается всеми, находящимися на земле. Поэт, откликнувшийся на призыв Всевышнего, гораздо более активен как посредник между земным и небесным. Согласно православно-христианскому пониманию символов, небо – это весь духовный мир: мир ангельский, бытие которого исповедует Церковь, и весь человеческий мир, то есть все то в человеке, что является духовным, называемым, согласно принятой церковью терминологии, духом, душой, бесплотным, невещественным – то есть тем, что принято считать нематериальным, в отличие от мира плотского.

В течение многих тысячелетий земля казалась людям центром мироздания, а все видимое за ее пределами – небо, солнце, звезды – как бы подчиненным ей, служащим земле, где обитает человек. Напротив, согласно христианскому вероучению, человек должен стремиться к небу как к таинственному месту обитания всего высшего. Именно такой образ неба создан Майковым в стихотворении «К. Р.» (1889), где

духовно-божественно-небесное начало – главный признак чудесного мира поэзии, в которой более всего ощутимо единство небесного и земного. В ней заключена возвышенная чистота небесного («славословие сил небесных / Высшей правды и любви») и содержится все, о чем хотят поведать люди, обреченные на страдания: «Для того, чтоб знали тоже / Братья их на небесах / Обо всех земных страданиях, / Обо всех людских слезах». Антитезой образу неба является образ земли. Согласно православно-христианской символике, все земное – образ и тень небесного. Свет – образ неприступной славы Божией на небесах, песнопение – образ ангельского славословия, солнце – образ мысленного Солнца – Бога, луна – образ Божией Матери, звезды – образы небесных ангелов, облака – образы апостолов и всех святых с возвышенными душами, чуждыми земных пристрастий. Весь этот образный диапазон широко использован Майковым в стихотворениях, посвященных творчеству.

Понимание сути искусства, стремящегося к вечности, благодаря Божественному Откровению и возможности вместить и передать общечеловеческие мысли и чувства, Майков многократно проецирует на архетипические образы неба и земли, как правило, осмысленные поэтом и в качестве антитезы, и в своем нераздельном единстве. Служа основой для наиболее конструктивных построений в программных произведениях о творчестве, данные архетипы убеждают в том, что религиозно ориентированное мирозерцание поэта воспринимало союз между небесным и земным побуждающим к беспредельному размаху творческой воли, ощутившей поддержку и благословение Всевышнего.

Во второй главе «Воплощение основных православных идей в поэтическом творчестве А.Н. Майкова» рассматривается литературно-художественная модель творческого осмысления и образного постижения основных религиозных догматов.

В 1-м параграфе 2-й главы «Идея духовного преображения и обретения человеком Божьего подобия в лирике А.Н. Майкова» рассматриваются стихотворные опыты разных лет (с 40-х до 90-х годов XIX века), объединенные интересом к данной идее.

Духовное совершенствование и преображение человека – главная цель каждого верующего – привлекала поэта как материал для художественной обработки. Майков показал, что движение человека к высотам духа происходит различными путями: через уединение («Зачем средь общего волнения и шума...»), через созерцание небесного свода с его предметами («Облачка», «Смотри, смотри на небеса...»), через общение с красотой («Перечитывая Пушкина», «Зачем предвеч-

ных тайн святыни...», «Куда б ни шел шумящий мир...»), через покаяние и терпение («Дорог мне перед иконой...»), через страдания (например, в стихотворениях «Когда гоним тоской неутомимой...», «В альбом», «Ex tenebris lux», «Улыбки и слезы! И дождик и солнце!..», «Жизнь – достиганье совершенства...»), через Божий дар («Из письма»). Магистральными мотивами – носителями идеи духовного преображения – являются мотив смирения перед Божественным провидением и мотив жертвенности. Последний нередко воплощается не только через образы предметного мира: «медный грош вдовицы» («Дорог мне перед иконой...») или «хлеб» («Вопрос»), но и через образ свечи – главный символ духовной жертвы Богу. Нередко процесс духовного преображения сопровождается образами света, блеска, звона. Как правило, композиционно двухчастные и небольшие по объему, тексты экономят, но убедительно передают важные для верующего состояния души в моменты его самооткровений на трудном пути восхождения к человеческому идеалу. Художественное время вариативно: и «миг чудесный» («Перечитывая Пушкина», «Из письма»), и продолжительный процесс («Зачем средь общего волненья и шума...», «Когда гоним тоской неутомимой...», «Жизнь – достиганье совершенства...»). Доминирующая тональность – радостное ощущение человека, достигшего трудного результата в раздумьях, сомнениях и борьбе с самим собой.

Идея обретения человеком подобия Божьего и связанного с этим духовного преображения у Майкова – одна из доминант художественной онтологии. Для воплощения ее в стихотворениях поэт обращался к истокам христианского вероучения и в соответствии с данными представлениями решал задачу художника слова, которая выражалась и в потребности познания Божественного на земле, в стремлении к духовной жертвенности перед Богом и людьми посредством своего творчества.

Во 2-м параграфе 2-й главы «Образ православного храма в лирике А.Н. Майкова как символ надежды на спасение души» анализируются образные модели православного храма, воспринимаемого героем – человеком и поэтом, – вполне осознающим святость культового пространства и его роль в жизни верующего.

Храм воспринимается местом единения единоверных душ, Майкову близка идея соборности («Когда, гоним тоской неутомимой...»). Созерцание красоты храма рождает у героя благоговейный восторг («Завет старины»). Храм выступает символом единой государственности («Карамзин»), является предметом патриотической гордости («В городце в 1263»). Это место, где происходят важнейшие в жизни верующего эпизоды обращения к Богу: покаяние («Дорог мне

перед иконой...»), утверждение в вере («Суд предков»). Присутствие храма может «промелькнуть», вплетенное в общую гармонию пробуждающейся жизни («Весна! Выставляется первая рама...»). Лирические герои стихотворений Майкова, находясь в храме, испытывают различные чувства: от анагогии (возвышения духа до видения небесных предметов, испытания неземного блаженства) и исихии (молитвенного молчания, когда душа общается с Богом и получает откровение) до мучительных раздумий о судьбах многих русских храмов, пострадавших от рук людей, разрушавших эти святыни.

Обращаясь к культурно-историческому значению храмов, Майков наблюдал за жизнью сквозь призму религиозности. Поэтому образ храма занимает в его творчестве особое место, отличаясь не только смысловой завершенностью и выразительной живописностью. Как правило, важен и его «звуковой портрет», в котором видится особая поэзия, понятная душе каждого верующего. Именно в храме лирических героев Майкова посещают мысли о суетности земной жизни и необходимости подготовки к достойному переходу в жизнь вечную, наступают благотворные перемены в сознании. С православным храмом связана у поэта идея национального самосознания русского народа на уровне единения верующих, выступающая залогом национального единства.

В 3-м параграфе 2-й главы «Воплощение идеи бессмертия души и тленности тела в лирике А.Н. Майкова» рассматривается характер образных решений поэта, содержащих названную идейную адресацию. Первые проявления интереса к идее – юношеские стихотворения «Вера», «Кладбище», «Единое благо» – о кратковременности земного счастья, его иллюзорности. Смерть, по мнению поэта, открывает перед человеком дверь вечности и начинает собою эту вечность. Эмоциональное переживание смерти и отношение к ней в большинстве произведений лишено трагической безысходности. Здесь важна так называемая память о смерти, место которой в христианской жизни можно увидеть из учебника христианского подвига «Лествицы» преподобного Иоанна Лествичника (6-я ступень): «Как хлеб нужнее всякой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деланий...» [Цит. по: Иеромонах Серафим (Роуз). Душа после смерти, 1997, с. 193]. Но герою Майкова знакомо и чувство страха, которое испытывает человек перед неизбежным уходом из жизни. Это не противоречит истинно христианскому отношению к смерти, которое включает в себя неуверенность, порождаемую греховностью человеческой природы. Между тем, это не тот низкий страх, который не оставляет надежды на вечную жизнь. Момент смерти представлен как резкий пере-

ход от света к тьме и от тьмы – снова к свету. Этот новый свет намного ярче, выше, он качественно отличается от того, первого, что символизирует собой земную жизнь («Ex tenebris lux» (1887) (лат. «Из тьмы свет»)). Традиционная христианская подготовка к вечной жизни – вера, покаяние, духовная борьба. Безверие, по Майкову, – смерть духовная, что соответствует пониманию духовной смерти православными верующими. Именно вера становится для лирического героя Майкова спасением, своего рода «пропуском» в вечную жизнь. Одной из вершин в развитии темы можно считать стихотворение «В альбом», где главным является освобождение от страха смерти, а «вечность» даруется за «минувшие страдания».

В поэтические раздумья о бессмертии майковского героя-христианина проникает идея реинкарнации, не потерявшая значения со времен античности («Ты не в первый раз живешь...», «На могиле» (1850)). Такого рода «вольность», допускаемая поэтом, – подтверждение широты мировосприятия, откликающегося на различные версии, объясняющие загадку бытия. Эсхатологические мотивы также проникают в лирику поэта, вселенская гибель тревожит и страшит героя, но выступает в оптимистически преодолённом качестве («Допотопная кость»).

Стихотворения Майкова, объединённые мыслью о бессмертии души, отображают национальный вариант художественной философии, созвучной и определённым моментам русской ментальности и, соответственно, русской религиозности. Лирический герой Майкова практически всегда смотрит на смерть глазами христианина и разрешает проблему смерти в соответствии с учением Православной Церкви. Память о смерти должна предостеречь от грехов и приготовить к жизни вечной. Обращаясь к христианскому вероучению и следуя ему, Майков творчески интерпретирует церковные догматы, перерабатывая их в художественный эквивалент, продиктованный его личным духовным опытом.

Лирические отклики на православные идеи органично входят в художественный мир Майкова. Это мир с определившимися ценностями, образными «магистральями», богатыми нюансами художественной обработки. Он тесно связан с догматикой Православия, но вместе с тем природа этого мира во многом обусловлена художественным способом передачи авторского замысла (образное мышление многозначно, но именно в нём преломлена требующая однозначного выражения религиозная истина). Характер осмысления идей позволяет сделать вывод о доминирующих представлениях поэта как человека верующего, поскольку не допускается каких-либо вольностей в истолко-

вании основ Православия. Но, оставаясь точным в своих проекциях на поэтический язык христианского понимания мира и человека, в самих способах и приемах словесной выразительности, в слове, которое выстроено в координатах мирского события – творческого процесса обозначения, изображения и оформления вымысла – Майков по-прежнему остается художником.

Глава третья «Стихотворные циклы А.Н. Майкова как синтез его православно-христианского сознания» адресована стихотворным циклам – оригинальному варианту литературно-художественного опыта, основу которого составила религиозная вера.

В 1-м параграфе 3-й главы «Отображение православно-христианского типа мировоззрения в поэтическом цикле А.Н. Майкова «Из восточного мира» исследуются наиболее важные для человека и обусловленные связью с религией душевные движения, взятые в их совокупности.

Иносказательно «восточный мир» – восхождение к изначальному, к истокам духа, которые, подобно солнцу и воде, закладывают основы жизни в ее наиболее оправданной, высшей, духовной сути. Соответственно с этим выстраивается в цикле обобщенно-персонифицированный образный ряд: герой-пленник, героиня, перешедшая от младенчества к личностно сознательной жизни, герой-путник, героиня, готовая к любви, герой-смертный, герой, стоящий перед выбором между добром и злом. Тем самым, все наиболее знаменательные для человека фазы существования на земле осмыслены автором под знаком духовно-идеального эталона, сформированного христианством.

Композиция цикла антитетична. Причем, антитеза функциональна как в общем пространстве рассматриваемого единства, так и в организации каждого из входящих в него стихотворений. Кроме того, прием «дробится» на множество частных проявлений. На уровне всей целостности, если миниатюры представлять в виде единого по замыслу произведения, антитеза выстраивает его следующим образом. Первое стихотворение демонстрирует картину страданий, пока не завершившихся благополучным исходом. Второе являет пример преодоленной умиротворением тревоги. В третьем испытания, хотя и гармонизированы мечтой, еще не прекращены. В четвертом торжество жизни, ничем не омраченное, эмоционально противоположно атмосфере предыдущего текста и смыкается, но уже на новом уровне, со вторым. В пятом, повествующем о смерти, также налицо противопоставление не только «Вертограду», но и всем предыдущим стихотворениям. Наконец, шестое, наиболее «литературное» из всех, венчающее цикл и также противопоставленное предыдущему своей безытоговой, неумиро-

творенной «неразрешимостью», высвечивает во всех текстах мотив страданий и сомнений как наиболее присущих человеку до тех пор, пока дух его соединен с телом. Оформленная с помощью антитезы композиционная схема выглядит так: «печаль, не ставшая радостью» – «печаль, перешедшая в радость», «печаль, не ставшая радостью» – «радость в апогее жизни» – «печаль, ставшая радостью, в апогее смерти» – «радость, неизменно омрачаемая печалью».

В пределах каждой из миниатюр действует тот же принцип организации материала, когда человеческий дух противостоит каким-либо обстоятельствам, обретая в этом новое качество: решимость продолжать поединок с врагами (или с природой, чрезмерно суровой к человеку), осознанное отношение к окружающему, принятие радости любви, согласие с неизбежным итогом всех смертных, понимание трудности выбора. Стержневым началам антитезы сопутствует многослойный поток аналогичных формул. Это афоризмы («кто сеет горькими слезами, тот жатву радости сберет»), поставленные рядом мифологические носители добра и зла, вынесенные в заглавие («Ангел и демон»), временные, пространственные, свето-цветовые и звуковые обозначения, выступающие как слагаемые антитезы. Сам прием не выглядит случайным. По своей сути он представляет собой иллюстрацию с помощью одного из литературных средств важнейшего философского закона единства и борьбы противоположностей. В религиозном вероучении этот закон – также один из центральных и только объясняемых по-своему. Все темное, вошедшее в мир как противное воле Творца, хотя и имеет свою злую цель, – не может разрушить гармонического единства мироздания. Под рукою же Великого Художника превращается оно в еще один важный и необходимый оттенок, который только обогащает симфонию вселенной. Для отечественной православно-христианской литературной традиции рассмотренные стихотворения можно считать по-своему примечательными. Цикл «Из восточного мира» тесно связан с религией, но лишь в тех пределах, которые сохраняют связь написанного прежде всего с искусством художественного слова и отдают последнему пальму первенства в обработке идей, ставших предметом поэзии.

Во 2-м параграфе 3-й главы «О православно-христианском содержании художественного историзма А.Н. Майкова в цикле «1854 год» комментируется творческая попытка осмыслить события Крымской войны с позиций патриотически настроенного сознания, апеллирующего к религиозной вере.

Автору импонирует мысль об особой миссии Православной России в мировом историческом развитии. Он уверен в доблести и

мощи духа русских воинов. Радость, гордость и благодарность Творцу за принадлежность к своему Отечеству переданы Майковым в его патристическом откровении, открывающем цикл («Бывало, уловить из жизни миг случайный...»).

В цикле «1854 год» доминируют проявления гражданского мужества, живого интереса к событиям современности. Как важную творческую задачу осознавал это Майков. Идеал России мыслится неизменно как православный, что формирует образ родины в стихотворении «Памяти Державина», написанном по горячим следам событий – известий о победах при Синопе и Ахалцыхе 3 декабря 1853 года. Следование Державину весьма знаменательно. Певец военных побед, предшественник Майкова понимал их значение в судьбе России. Поэту важно обозначить эту связь. Майков привлекает внимание к национальным основам русского самосознания. Говоря о европейцах, «вскормленных» кровью, враждой, а не любовью, автор обличает их гордыню, видя в этом отступление от истинного христианства. Российское участие в войне понимается предпринятым «во славу имени Христова», а Петр Первый видится продолжателем дела доблестных русских князей, верных Богу искусных вождей, ведущих народ «к величью и добру». Встать на защиту Православия – общая цель, понятная всем – от царя и поэта до простого солдата, потому что «жива еще в России / О христианской Византии великодушная мечта».

«Послание в лагерь» еще более отчетливо выражает эту мысль. Майков пишет о всенародной поддержке «родных полков», о невозможности ему как поэту остаться в стороне и промолчать, о молитвенной силе своего послания и об идеале «молодой России», во главе которой стоит император Николай. От всеобщего поэт переходит к частному, передавая отношение к событиям войны отставного солдата, который решил добровольно пойти воевать (4-е стихотворение цикла). В своем решении герой руководствуется патристическим долгом, основанном на вере и совести. Не пойти воевать – значит лишиться Божьей помощи и поддержки: «Как к угодникам в храм Божий / Я пойду с таким стыдом?». В традициях былинной стилистики та же потребность встать в ряды воинов оформлена в «Пастухе», где молодой герой, отправляясь к Севастополю, говорит о своем отношении к событиям: «Отстоять его, коли Бог судил, / Или лечь костями во честном бою». Художественный строй «Молитвы» передает эстафету священнику, комментирующему события войны с позиций «библейской мудрости». «Коляска» описывает отношение к императору, обусловленное авторским пониманием той ответственности, которая лежит на первом лице государства, ввергнутого в войну. Наконец, стихотворение «Мо-

скве», написанное в день 100-летия Московского университета, завершает цикл патриотическим призывом: «Жива Москва – сильна Россия, / И Божий свет рассеет тьму!»

Историзм цикла «1854 год» воплотился в отношении поэта к центральному событию эпохи Майкова, которое осмыслено с позиций православного сознания патриотически настроенных современников. Обладая своей художественной правдой, все произведения и каждое из них в отдельности выделяются как отклик на конкретное происшествие исторического масштаба, имевшее международный резонанс, но истолкованное автором в созвучии с ведущими настроениями, охватившими русское общество в самом начале военных действий. О гражданском прозрении поэта будут свидетельствовать событийно локализованные эпиграммы, появившиеся позднее и отразившие иное понимание случившегося.

В 3-м параграфе 3-й главы «Изображение исторического пути России в цикле А.Н. Майкова «Отзывы истории» исследуются произведения, в которых поэт связывает настоящее и будущее России с ее прошлым. Размышляя о судьбе родины, автор обосновывает мысль об особой роли России тем, что именно Россия является хранительницей истинно Православной веры, которая придает русскому государству силу и величие. Сердечные отзывы на историческое прошлое страны – одна из граней проявленных в творчестве религиозных настроений.

Поэта привлекают образы царей, готовых вести народ «на исканье правды вечной и душевной красоты» – сохранять верность Православию как национальной религии России – тому фундаменту государства, благодаря которому не ослабевают его мощь и сила. Поэт противопоставляет Православную веру западному «верению» (выражение А.С. Хомякова), западным «играм с Христом». Не земных, материальных благ молит у Господа Россия, а духовных сил – в этом и заключается особое отличие русского человека, который прежде всего этим ценен для Майкова.

Подчеркивая роль Православия в русской истории, поэт благоговейно преклоняется перед силой и глубиной веры русских людей. Эти чувства проникают в описания храмов, монастырей, святителей, благочестивых князей и подвижников. Пытаясь понять душу русского человека, Майков изображает народ и «в темных маленьких церквах», и в соборах Кремля, и у царских гробниц. Русское Православие привлекательно в качестве стимула к духовному труду и дорого поэту в отказе от внешних эффектов в своих проявлениях. Он пишет о привязанности русского человека не к земной жизни с ее благами, а к бес-

предельной сфере духовного, о русском уме, которому под силу разобратся в причинах тяжелых испытаний; о русской отваге, о готовности к добрым делам и потребности в них; о русской соборности, укрепляющей в вере.

Основное назначение России, по Майкову, заключается в сохранении того света с Востока, которое отличает его страну от ослепшего духовно Запада. Восточное христианство противопоставлено западному, где Христос – это всего лишь дань традиции, «историческая тень», а не воплощение идеала человеческого духа. Стихотворения располагаются в хронологическом порядке, следуя от произведений о более ранних периодах истории Руси к более поздним. Но автор идет по пути смещения и смешения временных пластов (прошлого и настоящего, настоящего и будущего), художественно акцентируя мысль о едином курсе русской исторической жизни, обладающей прочной духовной основой. Организующим центром является не единый фабульный стержень, а единство идейно-тематического задания, проблематика, угол зрения, под которым и в соответствии с которым отбирался материал.

4-й параграф 3-й главы «Религиозно-философские истоки в стихотворном цикле А.Н. Майкова «Из Аполлодора Гностика» рассматривает вошедшие в цикл стихотворения как итог духовных исканий поэта. Лирический герой стремится к познанию вечных истин, хочет убедиться в их общечеловеческом значении. Прорываясь к ним сквозь бездну сомнений, он стремится опереться на человеческий опыт, нашедший отражение в Ветхом Завете, Евангелии, Книге Екклесиаста, писаниях и посланиях святых апостолов Петра, Иакова, Иоанна Божьего.

Поэт пишет о величии Божества, кратковременности земной жизни, о невозможности познать Небо, о смерти как о ступени к высшим сферам бытия. Выражается надежда на спасение, на промысел Божий. Наблюдается частое обращение к символическим образам: Солнца, Неба, Орла, Ночи. Значим также образ ребенка, воплощающий пылкое стремление к познанию. В стихотворениях «Пир у вас и ликованья...», «Прочь идеалы! Грозный клик...» запечатлена тревога за судьбу людей, отрицающих истинное знание, которое нельзя постичь земными мерками.

Бинарная оппозиция знания и незнания оборачивается для лирического героя морально-этическим противостоянием должного и недолжного, божественного и демонического, праведного и грешного. Думается, что речь идет не о расколотости авторского сознания на христианскую и нехристианскую (в частности, гностическую) полови-

ны. Строго говоря, подобной расколотости не наблюдается: гностицизм у Майкова, скорее всего, не противопоставлен христианскому вероучению – подобно тому, как человек создан по образу и подобию Бога, но иногда совершает греховные поступки и должен уметь за это каяться, уповая на милость Божию.

Стихотворные циклы Майкова с особой отчетливостью обнаруживают сопряженность сознания поэта с религиозной верой, реализуя потребность в осмыслении разнообразных проблем бытия в литературно-художественном эквиваленте. Интерес к циклизации отражает ведущую для развития лирики 2-й половины XIX века жанровую особенность, но лишь у Майкова он формируется на основе воплощенного в системе словесно-художественных средств мировоззренческого феномена – активно проявляемых религиозных чувств и настроений.

В заключении подводятся итоги наблюдений. Лирика Майкова, в которой мы выявили тесный контакт с религиозной верой, была откликом на проблему «искусство и религия» в обстановке литературной полемики середины XIX века и актуализировала обе эти сферы на границах перевоплощения в образное мышление как основных догматов религиозного вероучения, так и всего строя глубоко верующей души.

Майков отразил светлый взгляд на все явления жизни и оптимизировал, в отличие от Фета и Тютчева, трагический и неизбежный ее итог – факт физической смерти. Следуя православной традиции, Майков наделяет своих лирических героев определенными свойствами: терпением, смирением, потребностью в поиске истины, утверждении в вере, способностью к духовному труду, нередко – подвигу.

В этом проявляется не только философско-культурологический интерес, характерный для образованного человека той поры, связавшего судьбу с литературой. Майков – православный христианин по самому образу жизни, синтез религии с его творчеством органичен, закономерен, отличается постоянством, сообщает разнообразным замыслам особую целостность и «стержневую» устойчивость. В то же время, будучи человеком светским, поэт не стремится к созданию чисто духовных стихов культового плана. Его поэзия – следствие живого и непреднамеренного, поистине свободного контакта с христианским учением и Богом, но не допускающего своевольных интерпретаций христианских православных догматов. В ряде случаев она не лишена внутренних противоречий и сомнений, а сами христианские догматы отражены с разной степенью узнаваемости, как прямо, так и иносказательно.

Когда мы читаем у В.С. Соловьева о том, что искусство, обособившееся, отделившееся от религии, должно вступать с нею в новую

свободную связь [Соловьев В.С. Соч. в 2-х томах, т. 2, 1990, с. 293], – на фоне рассмотренного опыта Майкова эти раздумья не выглядят случайными. Другой выдающийся русский религиозный философ, Н. Бердяев, также считал, что истинном теургическом искусстве духовная жизнь человека будет просвечиваться изнутри и религиозность его может быть лишь имманентной [Бердяев Н.А. О русских классиках, 1993, с. 304]. Собственно, теоретический и практический рубеж в этом знании уже был пройден в духовно ориентированном искусстве предшествовавшей философам поры, где литературная деятельность Майкова – заметная и выразительная веха.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Хомулло Г.В. Православно-христианское содержание произведений А.Н. Майкова // Религиоведение. – 2009. – № 2 – Москва-Благовещенск: Изд. АМГУ, 2009. – С. 151 – 156 [0,39 п.л.] (издание, рекомендованное ВАК).

2. Хомулло Г.В. Язычество и христианство в трагедии А.Н. Майкова «Два мира» // Модели прогрессивного развития Дальневосточного региона. – Уссурийск: Изд. УГПИ, 1999. – С. 21 – 22 [0,14 п.л.].

3. Хомулло Г.В. Размышления о православно-христианском типе уссурийского поэта Н.Ф. Капшитаря // Литература Дальнего Востока и Восточного зарубежья. – Уссурийск: Изд. УГПИ, 2003. – С. 126 – 129 [0,34 п.л.].

4. Хомулло Г.В. Отображение православно-христианского типа мировидения в поэзии А.Н. Майкова (1836 – 1841 годы) // Поиск молодых. Выпуск 4. – Уссурийск: Изд. УГПИ, 2003. – С. 85 – 92 [0,88 п.л.].

5. Хомулло Г.В. Идея бессмертия в юношеских стихах А.Н. Майкова // Приморские образовательные чтения памяти святых Кирилла и Мефодия // Владивосток: Изд. Дальневосточного ун-та, 2004. – С. 115 – 119 [0,24 п.л.].

6. Хомулло Г.В. Идея бессмертия души в лирике А.Н. Майкова // Поиск молодых. – Выпуск 5. – Уссурийск: Изд. УГПИ, 2004. – С. 78 – 83 [0,44 п.л.].

7. Хомулло Г.В. Религиозно-философские истоки в стихотворном цикле А.Н. Майкова «Из Аполлодора Гностика» // Гуманитарные исследования. Альманах. Выпуск 8. – Уссурийск: Изд. УГПИ, 2005. – С. 338 – 344 [0,64 п.л.].

8. Хомулло Г.В. Образ поэта в лирике А.Н. Майкова // Поиск молодых. Выпуск 6. – Уссурийск: Изд. УГПИ, 2005. – С. 160 – 167 [0,67 п.л.].

9. Хомулло Г.В. Изображение исторического пути России в цикле А.Н. Майкова «Отзывы истории» // Литература и культура Дальнего Востока и Восточного зарубежья. – Уссурийск: Изд. УГПИ, 2008. – С. 188 – 195 [0,73 п.л.].

Для заметок

Для заметок

ПРОТОКОЛЫ АНКАРАТОСКИМ

ОБЩЕСТВО А. И. МАКАРОВА
ОБЩЕСТВО А. И. МАКАРОВА
ОБЩЕСТВО А. И. МАКАРОВА
ОБЩЕСТВО А. И. МАКАРОВА
ОБЩЕСТВО А. И. МАКАРОВА

ТАРИФЫ

ТАРИФЫ НА ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ
ТАРИФЫ НА ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ

ТАРИФЫ НА ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ
ТАРИФЫ НА ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ
ТАРИФЫ НА ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ

ТАРИФЫ НА ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ
ТАРИФЫ НА ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ
ТАРИФЫ НА ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ

102

ХОМУЛЛО ГАЛИНА ВИКТОРОВНА

**ЛИРИКА А.Н. МАЙКОВА:
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
АСПЕКТЫ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИХ
ВОЗЗРЕНИЙ ПОЭТА**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Издательство УГПИ. 692519, г. Уссурийск, ул. Некрасова, 25.

Подписано в печать 12.10.2009.

Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 1,75.

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического комплекса УГПИ.
692519, г. Уссурийск, ул. Некрасова, 25, I этаж. Тел. 32-47-62.
Заказ 652, тир. 100.